
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

УДК 913:911.3

ОЦЕНКА ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИЧНОСТИ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОДЫ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЯМИ 1897, 1959 И 2010 гг.

© 2019 г. А. Г. Манаков

Псковский государственный университет, Псков, Россия

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

e-mail: region-psk@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.08.2017 г.; после доработки 20.09.2018 г.; принята в печать 30.11.2018 г.

В статье представлены результаты анализа динамики этнических процессов, происходивших в Европейской России в течение двух более чем полувековых периодов: с 1897 по 1959 гг. и с 1959 по 2010 гг. В качестве интегрального показателя, отражающего сложность этнической структуры населения территорий, используется индекс этнической мозаичности Б.М. Эккеля. Этот показатель, а также его динамика за обозначенные временные интервалы, были рассчитаны в границах современных субъектов федерации в европейской части страны. В результате проведенного анализа выявлены различия в процессах, условным рубежом которых являлась середина XX в.: 1) в первой половине XX в. происходило активное движение русского населения на национальные окраины (современные республики), которое почти прекратилось во второй половине столетия; 2) до середины XX в. шла интенсивная ассимиляция нерусского населения (финно-угров, белорусов, украинцев) вдоль современных западных и южных границ России, но и во второй половине века продолжалась ассимиляция финно-угорского населения в северной части Европейской России; 3) на протяжении более чем векового периода шел миграционный приток нерусского населения в центральную часть страны; 4) с середины XX в. интенсивность ассимиляции иноязычных мигрантов начала запаздывать по сравнению с их притоком, что снизило степень моноэтничности целого ряда регионов в центральной части страны; исключение составили Москва и Ленинград/С.-Петербург, усилившие свои ассимиляционные функции; 5) с середины XX в. обозначился новый процесс – нарастание моноэтничности значительной части национальных автономий, ускорившийся в постсоветский период.

Ключевые слова: переписи населения, этническая мозаичность, картографический метод, Европейская Россия.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Изучение этнических процессов в России актуально с позиции целого ряда наук: истории, этнологии, этнодемографии, этносоциологии, этногеографии и др. Вклад географии в изучение этих процессов связан, прежде всего, с пространственным видением изучаемых проблем. Этому способствует использование картографического метода как одного из важнейших в географии. Однако картографическое отображение национального состава населения имеет ряд особенностей, затрудняющих анализ динамики этнической структуры населения конкретной территории. В связи с этим, во-первых, нужен интегральный показатель, позволяющий оценивать сложность этнического состава населения

стран и регионов. В качестве такого интегрального показателя был выбран индекс этнической мозаичности Б.М. Эккеля. Во-вторых, картографический метод может отслеживать не только территориальные различия на определенный момент времени, но и пространственную динамику этих процессов, в частности, позволяет выявлять пространственные закономерности в трансформации этнической структуры населения стран и регионов.

Цель статьи – анализ динамики этнической мозаичности регионов европейской части России (в современных границах) более чем за столетие – между Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и Всероссийской переписью 2010 г., с разбив-

кой на два сравнимых по продолжительности периода – с 1897 по 1959 гг. (62 года) и с 1959 по 2010 гг. (51 год).

ОПЫТ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

В отечественной науке индекс этнической мозаичности (ИЭМ) Б.М. Эккеля [25] применяется, в первую очередь, при изучении наиболее пестрых в этническом плане стран и регионов. Например, он использовался при анализе этнической структуры населения Северного Кавказа [1, 8], а также многонациональных субъектов Российской Федерации: Республики Дагестан [13], Ставропольского края [24], Краснодарского края [16], Республики Крым [21] и др.

Однако намного реже встречаются работы, где с опорой на данный показатель анализируется динамика этнической структуры населения всей России на уровне субъектов федерации. Например, в статье А.Ю. Орлова [15] представлены результаты анализа изменения национального состава населения регионов России за период с 1959 по 2010 гг. Автором составлены картосхемы с величиной индекса этнической мозаичности за 1959 и 2010 гг., а также представлено распределение регионов России по степени полиэтничности на эти годы. Анализ изменения степени полиэтничности российских регионов связывается с трансформацией характеристик расселения каждого этноса, их территориальной концентрацией и деконцентрацией.

Другая статья, также посвященная тенденциям трансформации этнического состава населения России, подготовленная С.Г. Сафроновым [20], охватывает более короткий период – постсоветский, а точнее, опирается на результаты переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. Автор уделяет особое внимание новым тенденциям, объясняемым им как результат смены парадигмы этничности в постсоветской России. В частности, с этой целью в статье используется и сам индекс этнической мозаичности. Картосхема с ИЭМ регионов страны за 2010 г. носит иной содержательный контекст, а именно, рассматривается как оценка теоретической вероятности вступления представителей разных национальностей в межэтнические контакты.

В большинстве исследований, опирающихся на ИЭМ Б.М. Эккеля, данный показатель выступает в качестве статичной характеристики, так как анализ динамики этнического состава населения требует дополнительных расчетов и специальных комментариев, прилагаемых к анализу собственно ИЭМ. Ранее нами было проведено исследование по анализу трансформации этнического состава населения Северо-Запада России

(на уровне низовых административных единиц) за более чем вековой период (между переписями 1897 и 2010 гг.), которое использует показатель, отражающий динамику ИЭМ за обозначенный временной интервал [10].

Тем не менее, использование показателя ИЭМ и его динамического аналога не может решить задачи, которые ставятся перед традиционным анализом изменения этнического состава населения, в частности, опирающимся на изменение численности конкретных народов и их доли в населении регионов. ИЭМ является вспомогательным показателем, а его динамика может наглядно отобразить лишь общие тенденции в трансформации этнической структуры населения. Так, перед рассмотрением изменения ИЭМ на Северо-Западе России нами был проведен глубокий анализ динамики отдельных этнических групп [9, 11].

Для интерпретации показателя динамики ИЭМ автором привлечены результаты исследований, посвященных изучению изменений в расселении русского этноса [5, 22, 23], этноассимиляционных и миграционных процессов в России [4, 6, 7, 12, 14 и др.] за длительные временные интервалы.

МЕТОДИКА И НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ

Индекс этнической мозаичности может быть рассчитан для любой территории, по которой имеется этническая статистика, по формуле: $ИЭМ = 1 - \sum(P_i)^2$, где $(P_i)^2$ – доля i -ой национальности ($i = 1, 2, \dots$) в регионе исследования [25]. Ранее нами было предложено использовать ИЭМ для выделения этноконтактных зон двух классов – неярко выраженных (ИЭМ от 0.2 до 0.4) и ярко выраженных (ИЭМ свыше 0.4) [10]. ИЭМ = 0.2 соответствует этнической обстановке, когда доля представителей основной национальности на конкретной территории составляет около 90%; ИЭМ = 0.4 – если к неосновной национальности относится примерно каждый четвертый житель территории. К наиболее полиэтничным можно отнести территории с ИЭМ выше 0.6.

Отмеченные рубежи ИЭМ использовались нами при создании картосхем на уровне регионов России по итогам переписей населения 1897, 1959 и 2010 гг. (составлены по источникам [2, 3, 17–19]). Выбор переписи 1959 г. в качестве промежуточной даты исследования объясняется наибольшей ее близостью к середине анализируемого интервала.

В качестве примера представлена картосхема, где показан ИЭМ регионов в европейской части России за 2010 г. (рис. 1). С одной стороны, сравнительный анализ картосхем с рас-

считанными ИЭМ за годы переписей позволяет сделать ряд выводов о трансформации этнической структуры населения России, что было, например, представлено в отмеченной статье А.Ю. Орлова [15]. С другой стороны, картосхемы со статичными показателями ИЭМ, хотя и удобны для анализа на конкретную дату, не очень приспособлены для изучения пространственной динамики. С этой точки зрения возможен и более глубокий анализ, если расширить методику исследования за счет расчета показателей динамики ИЭМ за временные интервалы между обозначенными переписями. Нами были созданы картосхемы, где представлена динамика ИЭМ регионов европейской части России в периоды с 1897 по 1959 гг. (рис. 2) и с 1959 по 2010 гг. (рис. 3).

Очевидно, что главной проблемой расчета динамики ИЭМ является нестыковка границ современных субъектов Российской Федерации и границ дореволюционных губерний и областей. Поэтому важным этапом работы стала привязка к современным границам этнической статистики за 1897 г., которая проводилась на уровне уездов, а иногда и частей уездов дореволюционных губерний и областей. Различие в методике проведения переписей (в 1897 г. дается распределение населения не по национальностям, а по родному языку) в данном случае не учитывалось, т.е. состав населения по родному языку приравнен к этническому.

Составление картосхемы с динамикой ИЭМ между переписями населения 1959 и 2010 гг. также нуждалось в учете изменений в административно-территориальном делении России. Однако решение этой задачи облегчалось тем, что в период между обозначенными переписями происходили лишь единичные изменения, связанные с упразднением или появлением новых административных единиц.

Общим итогом исследования стала группировка регионов европейской части страны, учитывающая одновременно динамику ИЭМ между обозначенными межпереписными периодами и изменение доли русских (как вспомогательной характеристики) за эти же временные интервалы. И, наконец, представлена краткая характеристика выделенных групп регионов по этнической динамике.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С помощью рис. 1, где представлен ИЭМ по субъектам федерации в европейской части России на 2010 г., можно проследить два ключевых компонента этнического пространства России: 1) “русское мегаядро”, соответствующее, согласно В.Н. Стрелецкому, границам сплошно-

го территориального массива “русских” областей и краев [22, 23]; при этом С.Г. Сафронов [20] предлагает отнести к “русскому мегаядру” территории, где доля русских превышает 80%, что несколько расходится с предложенным нами критерием – ИЭМ до 0,4, т.е. с долей русских свыше 75%; 2) национальные регионы, где ИЭМ обычно превышает 0,4 (в качестве исключений выступают “русские” Астраханская, Ульяновская и Оренбургская области, а также Республика Крым с ИЭМ выше 0,4). На окраине “русского мегаядра” выделяется дополнительный компонент – переходные этноконтактные зоны [20], к которым нами предлагается отнести территории с ИЭМ от 0,2 до 0,4. Этот переходный пояс образуют Республика Карелия и две области Северо-Запада (Мурманская и Калининградская), большинство регионов Урало-Поволжья (Пермский край, Челябинская, Самарская, Саратовская

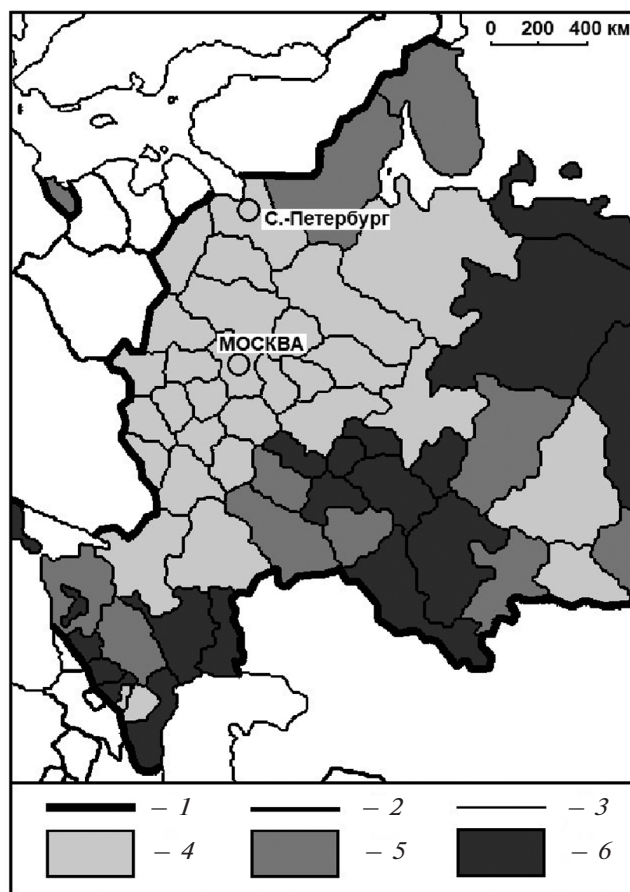

Рис. 1. Индекс этнической мозаичности по регионам Европейской России в 2010 г.

Цифрами обозначены: современные границы: 1 – Российской Федерации; 2 – зарубежных государств; 3 – субъектов Российской Федерации; величина индекса этнической мозаичности в 2010 г. (в Республике Крым – в 2014 г.): 4 – менее 0,200; 5 – от 0,200 до 0,399; 6 – от 0,400 и выше.

и Пензенская области), а также Краснодарский и Ставропольский края на Северном Кавказе.

Рис. 2 позволяет проанализировать как изменился ИЭМ по регионам Европейской России (в современных границах) с 1897 по 1959 гг. Во-первых, следует отметить рост ИЭМ в самом центре “русского мегаядра”, в том числе в Москве и Московской области, а также в некоторых областях к югу и северо-востоку от столицы. Очевидно, что рост ИЭМ этих преимущественно моноэтнических территорий связан с миграционным притоком представителей иных национальностей в центральную часть страны, особенно в столицу и ближнее Подмосковье.

Иная динамика ИЭМ характеризует регионы, окружающие это “ядро” и граничащие ныне со странами Балтии, СНГ, а также с национальными республиками Северного Кавказа и Урало-Поволжья. Снижение в них ИЭМ свидетельствует о росте доли русских, которое могло проис-

ходить как за счет их миграционного притока, так и ассимиляции нерусского населения: финно-угорского – в Мурманской, Ленинградской, Псковской и Кировской областях, белорусского – в Псковской, Смоленской и Брянской областях, украинского – в Курской, Белгородской, Воронежской областях, в Крыму и “русских” регионах Северного Кавказа. На современной территории Волгоградской и Саратовской областей заметно снизилась доля украинцев и немцев, Самарской и Пензенской областей – татар, Оренбургской области – башкир и мордвы.

Рост ИЭМ в период с 1897 по 1959 гг. характеризовал лишь несколько окраинных “русских” регионов: Архангельскую область (рассмотренную вместе с Ненецким автономным округом), что было связано с миграционным притоком украинского и белорусского населения; Пермский край, Свердловскую и Челябинскую области, где выросла доля украинцев и татар;

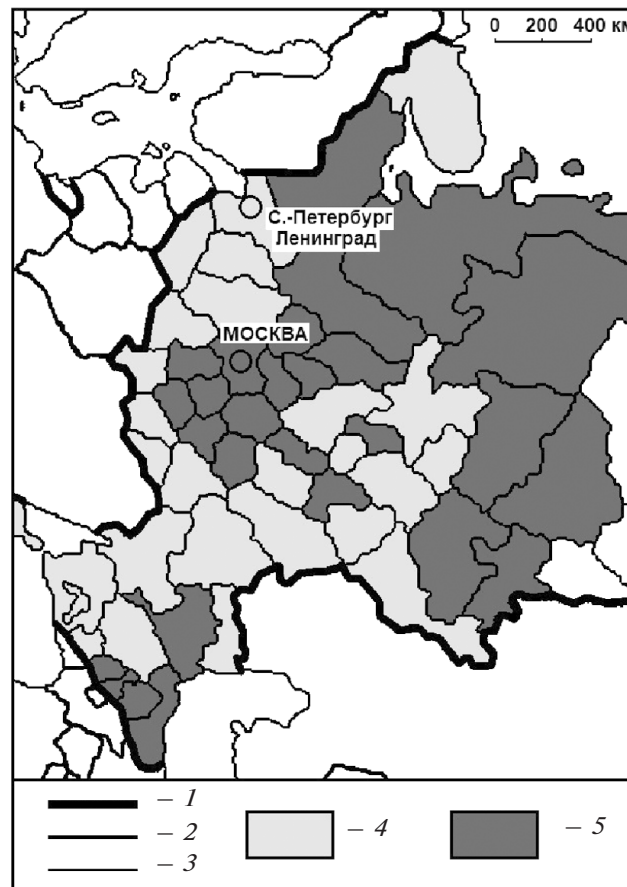

Рис. 2. Изменение индекса этнической мозаичности в границах современных регионов Европейской России с 1897 по 1959 гг.

Цифрами обозначены: современные границы: 1 – Российской Федерации; 2 – зарубежных государств; 3 – субъектов Российской Федерации (исключения: Чеченская и Ингушская республики, рассмотренные в общих границах; Архангельская область рассмотрена вместе с Ненецким автономным округом); динамика индекса этнической мозаичности с 1897 по 1959 гг. (в современных границах субъектов РФ): 4 – уменьшение индекса этнической мозаичности; 5 – рост индекса этнической мозаичности.

Ульяновскую область, где увеличилась доля татар и чувашей.

Небольшой рост этнической мозаичности большинства республик Северного Кавказа, Башкирии и Карелии, а также значительный рост – в Коми, был связан преимущественно с миграционным притоком туда русского населения (в Карелии еще и белорусского населения), а вот в Мордовии и Марийской республике заметно выросла доля титульных этносов. В Татарии, Чувашии и Удмуртии рост доли титульных народов привел даже к небольшому снижению этнической мозаичности на территории республик.

Таким образом, в период с конца XIX по середину XX вв. в этническом пространстве европейской части России происходило три основных процесса: 1) движение русского населения на национальные окраины (ныне республики), за пределы “русского мегаядра”; 2) ассимиля-

ция нерусского населения на окраинах “русского мегаядра”, благодаря чему произошло его расширение до современных границ России на западе и юге; 3) миграционный приток нерусского населения в самую сердцевину “русского мегаядра” (то есть в столицу и примыкающие к ней регионы центральной части страны), который частично компенсировал демографические потери русского населения (ставших следствием Великой Отечественной войны и миграционного движения за пределы “русского мегаядра”).

На рис. 3 представлена динамика ИЭМ регионов Европейской России между переписями населения 1959 и 2010 гг.

В первую очередь, обращает на себя внимание рост этнической мозаичности большинства регионов “русского мегаядра”, в то время как национальные республики в основной своей массе характеризовались тенденцией к нарастанию моноэтничности. Причем более заметный рост

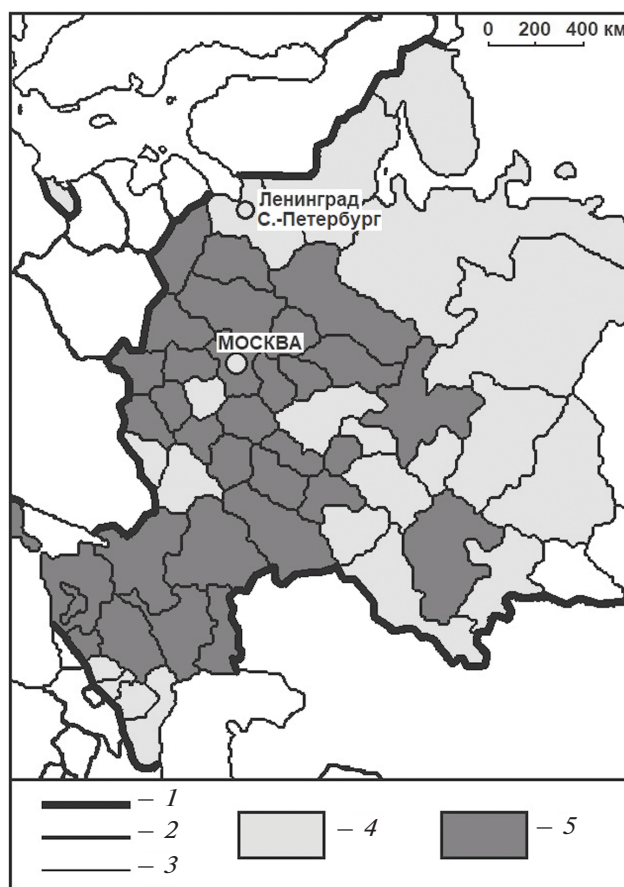

Рис. 3. Изменение индекса этнической мозаичности в границах современных регионов Европейской России с 1959 по 2010 гг.

Цифрами обозначены: современные границы: 1 – Российской Федерации; 2 – зарубежных государств; 3 – субъектов Российской Федерации (исключения: Чеченская и Ингушская республики, рассмотренные в общих границах; Архангельская область рассмотрена вместе с Ненецким автономным округом); динамика индекса этнической мозаичности с 1959 по 2010 гг. (в современных границах субъектов РФ, в Республике Крым – с 1959 по 2014 гг.); 4 – уменьшение индекса этнической мозаичности; 5 – рост индекса этнической мозаичности.

ИЭМ характеризует регионы, расположенные на некотором удалении от столицы и образующие вокруг нее “донорский” (в демографическом плане) пояс. В компенсацию миграционного оттока из этих регионов в Москву и Ленинград/С.-Петербург стало активно прибывать население из других союзных республик. Основными компонентами, усложнившими этническую структуру этих регионов в советский период, стали украинцы и белорусы. Их доля вследствие ассимиляции и частичного возвращения на родину в постсоветский период заметно упала, и этого даже не смог полностью компенсировать приток мигрантов из других бывших советских республик.

На этом фоне в центральной части страны выделяется несколько регионов, где в 1959–2010 гг. произошло снижение ИЭМ. Во-первых, это Москва, где на протяжении всего периода росла доля русского населения, в отличие от первой половины XX в. И это несмотря на то, что столица вбирала в себя мигрантов со всей страны, а в последующем со всего постсоветского пространства. Тем самым Москва стала выполнять функцию ассимиляционного “ядра” в пределах всего русского пространства. Эту роль столица сохранила и в постсоветское время, хотя и существует точка зрения, что статистическая моноэтнизация Москвы, обозначившаяся между 2002 и 2010 гг., связана с неполным охватом последней переписью наличного населения столицы [20]. Впрочем, для сравнения, динамика доли русского населения Ленинграда/С.-Петербурга в этот период имела такую же направленность, т.е. “северная столица” выполняла аналогичную функцию.

В ряде окраинных “русских” регионов Европейской России продолжался отмеченный нами для периода первой половины XX в. процесс ассимиляции нерусского населения: финно-угорских народов – в Мурманской, Архангельской, Ленинградской областях и Пермском крае; украинцев – в Белгородской и Воронежской областях. Доля украинцев также снизилась в Свердловской, Челябинской и Оренбургской областях; в это время в Калининградской области шел интенсивный процесс ассимиляции украинского и белорусского населения. В Самарской области уменьшился удельный вес мордвы и чувашей.

Иная ситуация характеризовала “русские” регионы Северного Кавказа, где рост ИЭМ был связан со значительным миграционным притоком, в первую очередь, армянского населения. В Астраханской области заметно выросла доля казахов. Этнический состав населения Крыма трансформировался в результате возвращения депортированных ранее крымских татар – в ре-

зультате несколько уменьшилась доля русского и украинского населения.

В большинстве национальных республик происходило снижение ИЭМ благодаря росту доли титульного этноса, и только в Карелии, Коми и Удмуртии уменьшение ИЭМ стало следствием повышения доли русского населения. Рост доли титульных народов в республиках явился результатом как повышенного естественного прироста, так и их стягивания в пределы “своих” национальных автономий. При этом ряд народов, особенно северо-кавказских, оказался в состоянии территориальной деконцентрации, т.е. рассеянии по другим регионам России [15]. Но за счет высокого естественного прироста в этих республиках сохраняется высокий удельный вес титульных этносов.

Таким образом, во второй половине XX и начале XXI вв. в этническом пространстве европейской части России происходили следующие процессы: 1) миграционный приток нерусского населения в пределы “русского мегаядра” в качестве частичной компенсации демографической убыли в целом ряде русских регионов: в советский период это были преимущественно родственные славянские народы (украинцы и белорусы), в постсоветское время – выходцы из других бывших советских республик; при этом некоторое запаздывание по сравнению с притоком интенсивности ассимиляции иноязычных мигрантов в сердце “русского мегаядра” (за исключением Москвы и Ленинграда/С.-Петербурга); 2) ускоренная ассимиляция финно-угорского населения в северной части Европейской России, но снижение интенсивности ассимиляции нерусского населения на южной окраине “русского мегаядра”; 3) моноэтнизация населения значительной части национальных автономий, усилившаяся в постсоветский период (в том числе за счет стягивания титульных народов в “свои” республики).

Ниже представлена таблица, где регионы Европейской России распределены на группы в зависимости от динамики ИЭМ за периоды с 1897 по 1959 гг. и с 1959 по 2010 гг., а также изменения доли русского населения в эти временные интервалы. Расположение представленных в таблице регионов Европейской России и их распределение по доле русского населения в 2010 г. можно увидеть на рис. 4.

Группа 1.1 (А) охватывает ныне почти полностью русские регионы окраины “русского мегаядра”, где на протяжении более чем векового периода наблюдался процесс моноэтнизации населения за счет ассимиляции финно-угорских народов на севере Европейской России, украинцев – в ее южной части, ряда коренных народов Урало-Поволжья – в восточной части.

Таблица. Группировка современных регионов Европейской России по динамике индекса этнической мозаичности с 1897 по 2010 гг. (с разбивкой на периоды 1897–1959 гг. и 1959–2010 гг.)*

Изменение индекса этнической мозаичности с 1959 по 2010 гг.	Изменение индекса этнической мозаичности с 1897 по 1959 гг.:			
	1. Уменьшение этнической мозаичности		2. Рост этнической мозаичности	
	1.1. С ростом доли русских	1.2. С уменьшением доли русских	2.1. С ростом доли русских	2.2. С уменьшением доли русских
(А) Уменьшение этнической мозаичности с ростом доли русских	Белгородская обл. (19) Воронежская обл. (24) Ленинградская обл. (32) Мурманская обл. (36) Нижегородская обл. (37) Оренбургская обл. (39) Самарская обл. (46) Санкт-Петербург (47)	Респ. Удмуртия (14)	Респ. Карелия (7) Респ. Коми (8)	Архангельская обл. с Ненецким авт. окр. (17) г. Москва (34) Пермский край (42) Свердловская обл. (49) Тульская обл. (54) Челябинская обл. (56)
Изменение индекса этнической мозаичности с 1959 по 2010 гг.	Изменение индекса этнической мозаичности с 1897 по 1959 гг.:			
	1. Уменьшение этнической мозаичности		2. Рост этнической мозаичности	
	1.1. С ростом доли русских	1.2. С уменьшением доли русских	2.1. С ростом доли русских	2.2. С уменьшением доли русских
(Б) Уменьшение этнической мозаичности с уменьшением доли русских	–	Респ. Татарстан (13)	Респ. Башкортостан (2) Респ. Дагестан (3) Респ. Кабардино-Балкария (4) Респ. Калмыкия (5) Респ. Северная Осетия – Алания (12) Респ. Чечня и Ингушетия в границах Чечено-Ингушской АССР (15)	Респ. Марий Эл (10)
(В) Рост этнической мозаичности с ростом доли русских	–	Респ. Чувашия (16)	–	–
(Г) Рост этнической мозаичности с уменьшением доли русских	Респ. Адыгея (1) Респ. Карачаево-Черкесия (6) Респ. Крым и г. Севастополь (9) Астраханская обл. (18) Брянская обл. (20) Волгоградская обл. (22) Кировская обл. (28) Краснодарский край (30) Курская обл. (31) Новгородская обл. (38) Пензенская обл. (41) Псковская обл. (43) Ростовская обл. (44) Саратовская обл. (48) Смоленская обл. (50) Ставропольский край (51) Тверская обл. (53)	–	–	Респ. Мордовия (11) Владимирская обл. (21) Вологодская обл. (23) Ивановская обл. (25) Калужская обл. (27) Костромская обл. (29) Липецкая обл. (33) Московская обл. (35) Орловская обл. (40) Рязанская обл. (45) Тамбовская обл. (52) Ульяновская обл. (55) Ярославская обл. (57)

*Использованы современные названия субъектов РФ (национальные автономии выделены жирным шрифтом; нумерация в скобках соответствует рис. 4).

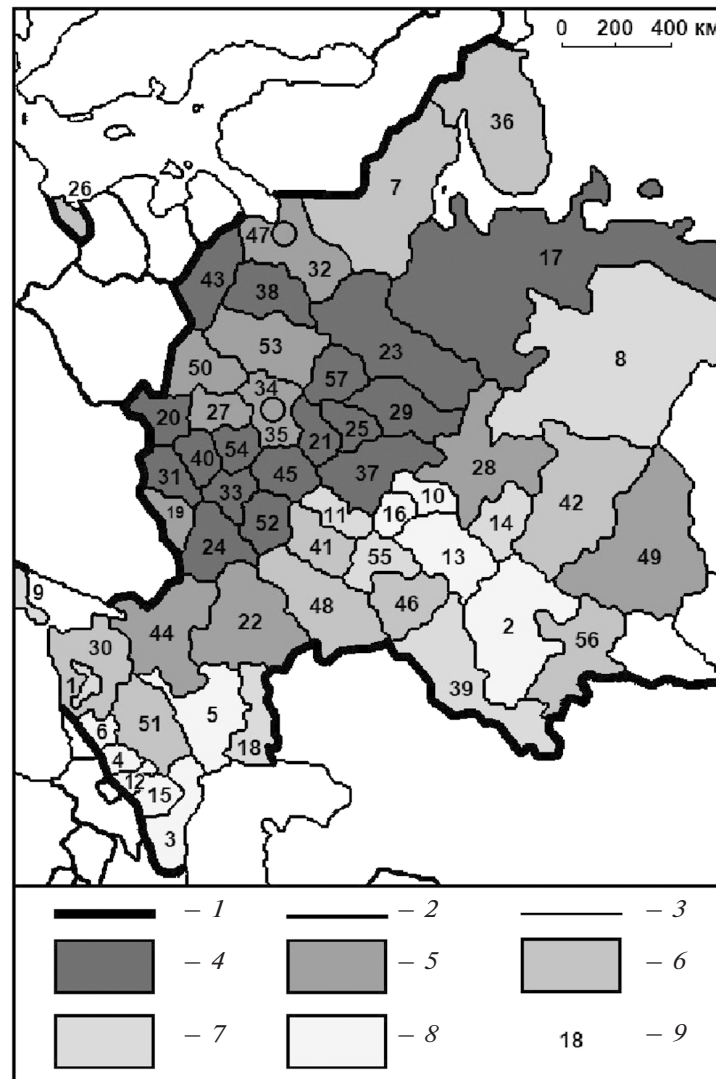

Рис. 4. Доля русского населения в регионах Европейской России по результатам переписи 2010 г. (в Республике Крым – в 2014 г.).

Цифрами обозначены: современные границы: 1 – Российской Федерации; 2 – зарубежных государств; 3 – субъектов Российской Федерации (нумерация с названиями субъектов представлена в таблице); доля русского населения: 4 – 95.0% и более; 5 – от 90.0 до 94.9%; 6 – от 80.0 до 89.9%; 7 – от 50.0 до 79.9%; 8 – менее 50%; 9 – номера субъектов РФ (26 – Калининградская область, остальные см. в таблице).

Группа 1.1 (Г) включает регионы, которые ранее находились на окраине “русского мегаядра”, а ныне многие из них примыкают к западным и южным границам России. Здесь до середины XX в. шел интенсивный процесс ассимиляции иноэтничного населения, превративший большинство этих регионов в мононациональные, но во второй половине XX – начале XXI вв. они стали испытывать приток нерусских мигрантов (а в Адыгее и Карачаево-Черкесии – рост доли титульных этносов), что несколько снизило долю русского населения.

В *группу 1.2 (А, Б, В)* попали три национальные республики (Татарстан, Удмуртия и Чувашия), в которых до середины XX в. росла доля титульных этносов. Но в последующем в Татарстане продолжалось небольшое падение доли русских, а в Удмуртии и Чувашии произошел рост удельного веса русского населения. Причем Удмуртия по мере снижения ИЭМ стала постепенно приближаться к “русским” регионам по этнической структуре населения.

Группа 2.1 (А) включила две республики (Карелия и Коми), где на протяжении более чем

векового периода происходила ассимиляция коренного финно-угорского населения и, соответственно, рос удельный вес русских. Сейчас эти республики по этнической структуре населения уже мало отличаются от “русских” регионов.

Группа 2.1 (Б) охватывает национальные республики, которые до середины XX в. испытывали приток русского населения, но во второй половине века в них обозначилась тенденция к росту доли титульных этносов. Это преимущественно мусульманские республики Северного Кавказа, а также Башкортостан, которые благодаря расширенному демографическому воспроизводству не только нарастили долю титульных народов на территории своих национальных образований, но и стали миграционными “донорами” центральной части России.

В *группе 2.2 (А)* оказались по факту русские регионы, которые в первой половине XX в. заметно повысили степень полиэтничности за счет притока иноязычного населения, но в дальнейшем в большинстве случаев вернули себе статус моноэтнических регионов. К таковым относятся г. Москва, Тульская и Архангельская области, а также ряд регионов Урала.

В *категорию 2.2 (Б)* попала республика Марий Эл, где происходило уменьшение доли русских между переписями 1897 и 2010 гг., хотя и со значительным замедлением с середины XX в., что и привело к смене знака динамики индекса этнической мозаичности с положительного на отрицательный. Лишь перепись 1939 г. зафиксировала в Марийской республике небольшую перевес титульного этноса над русскими, дальнейшие переписи показывали превышение доли русских над марийцами. На динамику ИЭМ здесь заметно влияло не только изменение доли русских и титульного этноса, но и других народов, проживающих в республике.

В *группу 2.2 (Г)* вошли преимущественно регионы центральной части “русского мегаядра”, а также республика Мордовия – единственный в группе не моноэтнический регион. В этих первоначально исключительно русских регионах (за исключением Мордовии) с конца XIX в. наблюдается уменьшение доли русских (хотя и мало-значительное) с соответствующим ростом этнической мозаичности. Объясняется это постоянным миграционным притоком иноязычного населения (в советское время – в основном украинцев и белорусов, в постсоветское время – мигрантов из других бывших союзных республик), и неспособностью регионов осуществлять ассимиляцию более высокими темпами, чем идет приток нерусских переселенцев. В Мордовии уменьшение доли русских сопровождается ростом удельного веса титульного этноса. Но, так как доля русских пока превышает половину населения республики,

этот процесс обозначается положительным знаком динамики ИЭМ.

ВЫВОДЫ

Картографический анализ интегрального показателя, отображающего динамику этнической мозаичности территорий, может быть использован для выявления пространственных закономерностей этнических процессов. Однако интерпретация данного показателя отдельных народов, а также ассимиляционных и миграционных процессов в конкретный временной интервал. Использование для анализа динамического аналога индекса этнической мозаичности Б.М. Эккеля, рассчитанного для территорий в границах современных субъектов Российской Федерации в европейской части страны для периодов с 1897 по 1959 гг. и с 1959 по 2010 гг., позволило сделать следующие выводы.

С конца XIX по середину XX вв. в этническом пространстве Европейской России происходило три основных процесса: 1) движение русского населения на национальные окраины (ныне республики), за пределы “русского мегаядра”, т.е. сплошного территориального массива “русских” областей и краев; 2) ассимиляция нерусского населения на окраинах “русского мегаядра”, благодаря чему произошло расширение последнего до современных границ России на западе и юге; 3) миграционный приток нерусского населения в самую сердцевину “русского мегаядра” (т.е. в столицу и примыкающие к ней регионы центральной части страны), который частично компенсировал демографические потери русского населения, ставшие следствием Великой Отечественной войны и миграционного движения за пределы “русского мегаядра”.

Во второй половине XX и начале XXI вв.: 1) почти прекратилось движение русского населения за пределы “русского мегаядра”, а также уменьшилась интенсивность ассимиляции нерусского населения на его южной окраине; 2) ускорилась ассимиляция финно-угорского населения в северной части Европейской России; 3) увеличился миграционный приток нерусского населения в пределы “русского мегаядра” в качестве частичной компенсации демографической убыли в ряде русских регионов (в советский период в этом потоке доминировали родственные славянские народы – украинцы и белорусы, в постсоветское время – выходцы из других бывших советских республик), при этом наблюдается некоторое запаздывание по сравнению с процессами асси-

миляции иноязычных мигрантов в сердцеvine “русского мегаядра” (за исключением Москвы и Ленинграда/С.-Петербурга); 4) обозначился новый процесс – нарастание моноэтничности значительной части национальных автономий, ускорившийся в постсоветский период (в том числе за счет стягивания титульных этносов в “свои” республики).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 304 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=1 (Дата обращения: 12.07.2017).
3. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. URL. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nas_59.php (Дата обращения: 12.07.2017).
4. *Зайончковская Ж.А.* Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1–15.
5. *Житин Д.В.* Изменение в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI в. // Изв. РГО. 2013. Т. 145. Вып. 3. С. 67–82.
6. *Житин Д.В.* Родной язык как индикатор ассимиляционных процессов в Российской Федерации // Региональные исследования. 2014. № 2 (44). С. 96–106.
7. *Житин Д.В.* Пространственно-временная трансформация миграционных связей регионов России / Социально-экономическая география // Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 175–189.
8. *Лысенко А.В., Водопьянова Д.С., Азанов Д.С.* Этноконтактные зоны в системе этнокультурного районирования Северного Кавказа // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 130–137.
9. *Манаков А.Г.* Динамика национального состава населения Северо-Запада России в 1939–2010 гг. // Псковский регионологический журн. 2016. № 3 (27). С. 74–96.
10. *Манаков А.Г.* Динамика этнической мозаичности территорий Северо-Западной России в 1897–2010 гг. // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 72–83.
11. *Манаков А.Г.* Изменение национального состава населения Северо-Запада России с 1897 по 1959 гг. // Псковский регионологический журн. 2016. № 2 (26). С. 62–87.
12. *Моденов В.А., Носов А.Г.* Россия и миграция. История, реальность, перспективы. М.: Прометей, 2004. 328 с.
13. *Набиева У.Н.* Культурная география Дагестана. М., 2002. 210 с.
14. *Орлов А.Ю.* Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) // География и природные ресурсы. 2011. № 1. С. 129–136.
15. *Орлов А.Ю.* Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 120–124.
16. *Пелина А.Н.* Геоинформационное картографирование этнодемографических показателей (на примере Краснодарского края) // Географические исследования Краснодарского края. Сб. научных трудов / отв. ред. А.В. Погорелов. Краснодар, 2007. С. 201–209.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (Дата обращения: 12.07.2017).
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. URL. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=0 (Дата обращения: 12.07.2017).
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской империи кроме губерний Европейской России. URL. http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php (Дата обращения: 12.07.2017).
20. *Сафронов С.Г.* Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
21. *Сидоренко Н.А.* Этническая мозаичность в реалиях этносоциальной истории Крыма XX века // В мире научных открытий. 2015. № 3.6 (63). С. 2798–2808.
22. *Стрелецкий В.Н.* Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры / Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 146–176.
23. *Стрелецкий В.Н.* Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. № 1 (2). С. 51–72.
24. *Чихичин В.В., Белозеров В.С.* Этническая карта Ставрополя: пространственно-временная динамика за последние полвека // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 113–119.

25. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

REFERENCES

1. Belozеров V.S. *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic Map of the North Caucasus]. Moscow: OGI Publ., 2005. 304 p.
2. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g. Naselenie po natsional'nosti, polu i sub'ektam Rossiiskoi Federatsii* [All-Russia Population Census 2010 Population by Nationality, Sex and Subjects of the Russian Federation]. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=1 (accessed 12.07.2017). (In Russ.).
3. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya po regionam Rossii* [All-Union Population Census of 1959. National Composition of the Population by Regions of Russia]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php (accessed 12.07.2017). (In Russ.).
4. Zayonchkovskaya Zh.A. Migration of the population of the USSR and Russia in the XXth century: evolution through cataclysms. *Problemy Prognozirovaniya*, 2000, no. 4, pp. 1–15. (In Russ.).
5. Zhitin D.V. The change in the resettlement of the Russian ethnos within the Russian Federation in the second half of the XXth and beginning of the XXIst century. *Izv. RGO*, 2013, vol. 145, no. 3, pp. 67–82. (In Russ.).
6. Zhitin D.V. Native language as an indicator of assimilation processes in the Russian Federation. *Regional'nye Issled.*, 2014, no. 2 (44), pp. 96–106. (In Russ.).
7. Zhitin D.V. Spatial-temporal transformation of migration links of Russian regions. *Sotsial'no-Ekonomicheskaya Geogr. Vestn. Assotsiatsii Ross. Geogr.-Obshchestvovedov*, 2016, no. 5, pp. 175–189. (In Russ.).
8. Lysenko A.V., Vodop'yanova D.S., Azanov D.S. Ethnocontact zones in the system of ethnocultural regionalization of the North Caucasus. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*, 2013, no. 1, pp. 130–137. (In Russ.).
9. Manakov A.G. Dynamics of the national composition of the population of the North-West of Russia in 1939–2010. *Pskovskii Regionolog. Zhurnal*, 2016, no. 3 (27), pp. 74–96. (In Russ.).
10. Manakov A.G. Dynamics of ethnic mosaic of the territories of North-West Russia in 1897–2010. *Regional'nye Issled.*, 2016, no. 2 (52), pp. 72–83. (In Russ.).
11. Manakov A.G. Change in the national composition of the population of the North-West of Russia from 1897 to 1959. *Pskovskii Regionolog. Zhurnal*, 2016, no. 2 (26), pp. 62–87. (In Russ.).
12. Modenov V.A., Nosov A.G. *Rossiia i migratsiya. Istoriya, real'nost', perspektivy* [Russia and Migration. History, Reality, Prospects] Moscow: Prometei Publ., 2004. 328 p.
13. Nabieva U.N. *Kul'turnaya geografiya Dagestana* [Cultural Geography of Dagestan]. Moscow, 2002. 210 p.
14. Orlov A.Yu. Geodemographic studies of ethno-assimilation processes (on the example of the population of the Volga Federal District). *Geografiya i Prirodnye Resursy*, 2011, no. 1, pp. 129–136. (In Russ.).
15. Orlov A.Yu. Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the population of the Russian Federation. *Regional'nye Issled.*, 2013, no. 2 (40), pp. 120–124. (In Russ.).
16. Pelina A.N. Geoinformation mapping of ethno-demographic indicators (on the example of the Krasnodar region). In *Geogr. issled. Krasnodarskogo kraia. Sb. nauchn. tr.* [Geogr. Studies of the Krasnodar Region. Collection of Sci. Papers], Pogorelov A.V., Ed. Krasnodar, 2007, pp. 201–209. (In Russ.).
17. The First General Census of the Russian Empire in 1897. Population by Mother Tongue, Provinces and Regions. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (accessed 12.07.2017). (In Russ.).
18. The First General Census of the Russian Empire in 1897 Population by Mother Tongue and Districts in 50 Governorates of the European Russia. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=0 (accessed 12.07.2017). (In Russ.).
19. The First General Census of the Russian Empire in 1897. Population Distribution by Mother Tongue and Districts of the Russian Empire Except the Provinces of European Russia. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php (accessed 12.07.2017). (In Russ.).
20. Safronov S.G. Current trends in the transformation of the ethnic composition of the population of Russia. *Baltiskii Region*, 2015, no. 3 (25), pp. 138–153. (In Russ.).
21. Sidorenko N.A. Ethnic mosaicism in the realities of the ethnosocial history of the Crimea of the twentieth century. In *V Mire Nauchn. Otkrytii*, 2015, no. 3.6 (63), pp. 2798–2808. (In Russ.).
22. Streletsky V.N. Russia in the ethnocultural dimension: regionalization factors and spatial structures. In *Regional'noe razvitiye i regional'naya politika Rossii v perekhodnyi period* [Regional Development and Regional Policy of Russia in the Transition Period]. Moscow, 2011, pp. 146–176. (In Russ.).
23. Streletsky V.N. Shifts in ethnic resettlement in Russia in the late XXth and early XXIst centuries, and some of their cultural and geographical aspects. *Yuzhno-Ross. Forum: Ekonomika, Sotsiologiya, Politologiya, Sotsial'no-Ekonomicheskaya Geogr.*, 2011, no. 1(2), pp. 51–72. (In Russ.).

24. Chikhichin V.V., Belozero V.S. Ethnic map of Stavropol: spatial and temporal dynamics over the past half century. *Reg. Issled.*, 2015, no. 4(50), pp. 113–119. (In Russ.).
25. Ekkel B.M. Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR. *Sovetskaya Etnografiya*, 1976, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).

Evaluation of Changes in the Ethnic Mosaic of Regions of European Russia in Periods Between the 1897, 1959 and 2010 Censuses

A. G. Manakov

Pskov State University, Pskov, Russia

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

e-mail: region-psk@yandex.ru

Received August 20, 2017; revised September 20, 2018; accepted November 30, 2018

The article presents the results of analysis of the dynamics of ethnic processes that took place in European Russia from 1897 to 1959 and from 1959 to 2010. As an integral indicator that reflects the complexity of the ethnic structure of the population of territories, B.M. Eckel ethnic mosaic index was used. This indicator and its dynamics for the indicated time intervals were calculated within the boundaries of the modern federal subjects in the European part of Russia. As a result of the analysis, differences in processes, the conditional border of which was the middle of the 20th century, were identified: 1) in the first half of the 20th century, the Russian population actively moved to the national outskirts (modern republics), which almost ceased in the second half of the century; 2) until the middle of the 20th century, intensive assimilation of the non-Russian population (Finno-Ugrians, Belarusians, Ukrainians) along the modern western and southern borders of Russia was taking place, but in the second half of the century assimilation of the Finno-Ugric population was continuing in the northern part of European Russia; 3) for more than a century there was a migration inflow of non-Russian population to the central part of Russia; 4) from the middle of the 20th century, some delay in the intensity of assimilation of foreign-speaking migrants began in comparison with their inflow, which reduced the degree of monoethnicity of a number of regions in the central part of Russia; the exception was Moscow and Leningrad / St. Petersburg, strengthening their assimilation functions; 5) from the middle of the 20th century a new process emerged – the growth of the monoethnicity of a significant part of national autonomies, that accelerated in the post-Soviet period.

Keywords: population censuses, ethnic mosaic, cartographic method, European Russia.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-556620192117-128>